

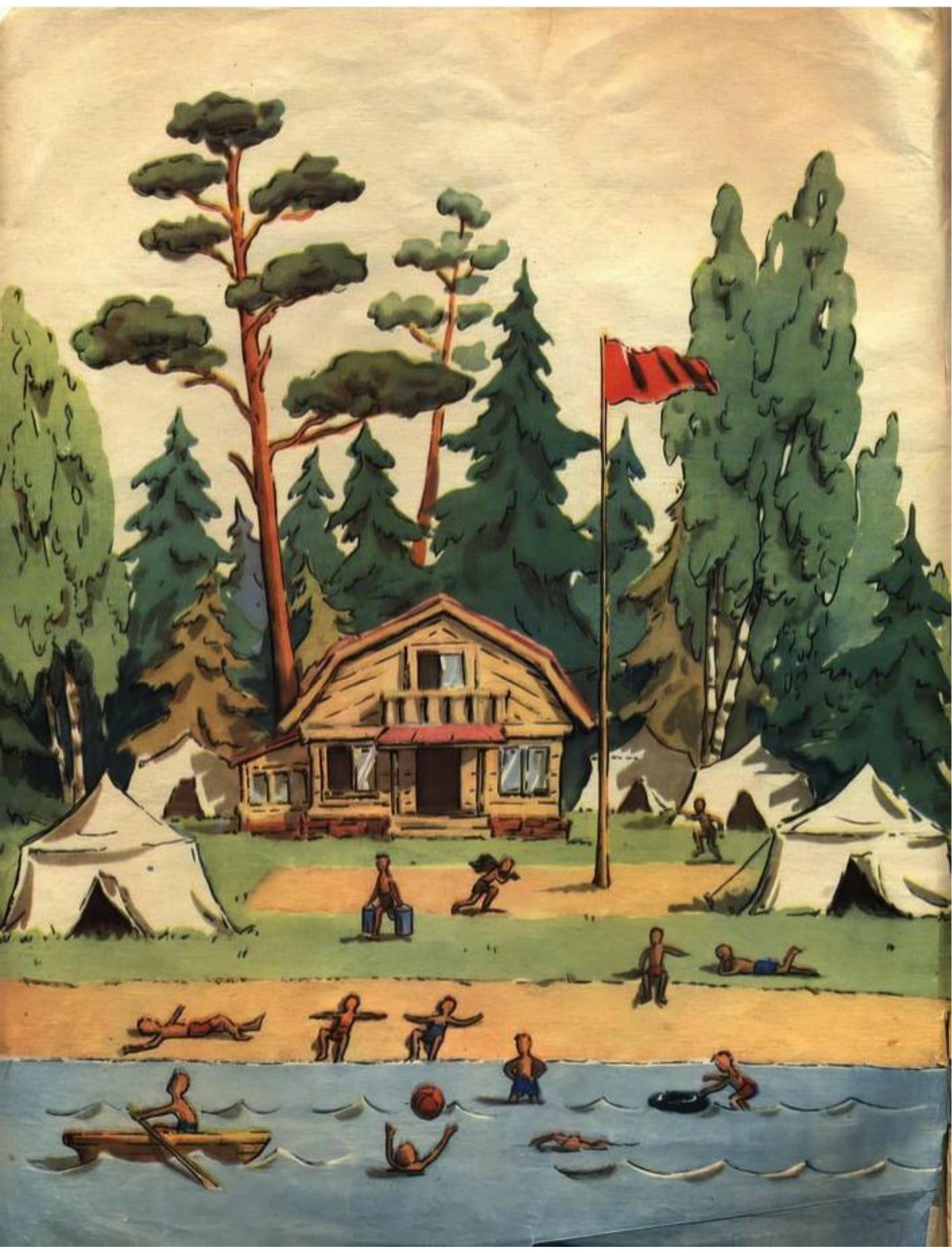
В. КУКИНОВА

**ПОЧЕМУ
УМЕНЬШАЮТСЯ
ВЕЩИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
1964

ЧТО Я УЗНАЛ ЗА ЛЕТО

Я теперь летом на дачу не езжу. На дачу я ездил давно, когда был маленький. Год назад. Я тогда считался ещё дошкольником. Теперь я уже больше не считаю себя дошкольником, и меня берут в пионерский лагерь.

В пионерском лагере мне понравилось. Я там познакомился с разными ребятами, которых до этого не знал. А с некоторыми я подружился. И ещё я подружился не только с ребятами, а с одним взрослым человеком. Эта тётя Шура, наш повар.

Потом я узнал, про что не знал раньше. Например, какие у курицы зубы. Ещё про ядовитое растение — белену. И про то, почему уменьшаются вещи, когда надолго уезжаешь из дому.

И ещё я узнал, что надо делать, чтобы не бояться ходить по иголкам и шишкам и скошенной траве босиком, без всяких тапочек.

ВОЗЬМИ НОГИ В РУКИ

Чего бы я только не отдал, чтобы поменяться с Марченко ногами! Я всё время об этом мечтал, с тех пор, как приехал в лагерь.

С его бы ногами я зажил совсем по-другому! Стал бы, как и он, бегать целый день босиком по лесу и не боялся бы этих проклятых иголок, которые так больно впиваются в ноги, и побежал бы ещё через поле, по скошенной траве безо всяких тапочек!

Я старался научиться ходить босиком и в лесу и в поле. Несколько раз снимал тапочки, ставил ноги и так и сяк. Ходил на одних только пятках, потом на цыпочках, ставил ногу ребром—ничего не помогает, всё равно больно. Больше двух-трёх шагов сделать не могу!

А Марченко безо всяких тапочек носится как хочет и по иголкам, и по шишкам, и по скошенной траве. Всё ему нипочём!

Вот бы мне такие ноги!

Я так долго про это думал, что увидел сон, будто Марченко согласился со мной меняться, и мы сидим на полу и отвинчиваем свои

ноги, как коньки с башмаков. И я отдаю Марченко свои противные чистые ноги с розовыми пятками, и беру его замечательные ноги с удобными жёлтыми пятками, твёрдыми и жёсткими, как кость!

И в этих новых удобных пятках, не дожидаясь Марченко, я, ужасно счастливый, выбегаю на улицу.

Как на крыльях, лечу я по лагерной дорожке, мимо кухни и столовой, прямо в лес!

И вот уже кончилась дорожка, и я без труда перепрыгиваю широкую канаву, за которой начинается лесная земля, вся усыпанная иголками и шишками.

Я хочу вступить на неё и не могу, боюсь! „Чего же ты боишься? — говорю я себе. — Ведь у тебя теперь новые ноги! Иди и не бойся!“ Но я всё-таки боюсь и ставлю ноги по-прежнему осторожно, на ощупь. Стоит мне только наступить, все иголочки притягиваются ко мне, как к магниту. Они впиваются в мои ступни, и мне так больно, что я сажусь на землю и плачу.

И вдруг я слышу топот. Кто-то бежит и, ничего не боясь, стучит

изо всех сил пятками. Я поднимаю голову и вижу Марченко. Весёлый, он мчится, и смеётся, и машет мне рукой. А мои чистые розовые пятки, как ни в чём не бывало, мелькают в воздухе!

— Марченко, Марченко! — кричу я. — Подожди, постой, как же я?!

— Беги, — кричит мне Марченко. — Вставай и беги!

— Я не могу, — кричу я, — мне больно!

— Ничего, — отвечает он. — Бери ноги в руки и беги!

— Почему же в руки? — спрашиваю я и с этими словами просыпаюсь...

Я просыпаюсь и лежу тихо-тихо. А все кругом ещё спят. Я лежу, думаю и вдруг вспоминаю, что кто-то ещё раньше говорил мне те же слова: возьми ноги в руки! Или — руки в ноги? Ах, нет — возьми себя в руки!

Мне становится очень смешно, и я смеюсь, закрывшись одеялом.

Потом опять лежу тихо и думаю. И мне приходит в голову хорошая мысль. Я встаю, быстро-быстро одеваюсь и осторожно, чтобы никого не разбудить, выхожу босиком на террасу.

На улице светло и холодно. Тихо, тихо. Кругом ни души. Чисто и пустынно.

Я хорошо знаю, что мне надо делать. И я делаю: быстро спускаюсь по ступенькам и пускаюсь бежать по дорожке мимо кухни и столовой. Вот и широкая канава, за которой лесная земля, вся усыпанная иголками и шишками. Я перепрыгиваю канаву. Теперь остаётся только шаг до иголок. Сейчас всё решится — могу я брать себя в руки или нет?

Я зажмуриваюсь и, как в холодную воду, прыгаю босыми ногами прямо на иголки! Я решил терпеть и буду терпеть! Главное — не останавливаться и бежать!

И я бегу. Я бегу и бегу, и боль куда-то уходит. Я могу бежать ещё, сколько захочу. И мне становится хорошо и весело. И я смеюсь, как Марченко. А мои розовые пятки тоже, как ни в чём не бывало, мелькают в воздухе!

КУРИНЫЕ ЗУБЫ

В нашем классе никто про куриные зубы ничего не знал. Когда я спросил ребят, есть ли у курицы зубы, они сказали, что не знают. Как-будто нет, потому что курица вроде не жуёт. Но точно не знают.

Я раньше тоже не знал. А в лагере узнал, когда мы дежурили на кухне.

Мне нравилось дежурить на кухне. Не из-за чего-нибудь такого, а из-за тётки Шуры, нашего повара.

Тётя Шура очень весёлая и добрая. С ней интересно. Она всегда что-нибудь рассказывает. Потом она умеет делать разные штуки из бумаги. Возьмёт, например, кусок обыкновенной газеты, сделает из него ровный квадрат и начнёт складывать. Сначала пополам, потом ещё пополам, потом ещё и ещё. Получается маленький толстенький кусочек. Она его подёргает за уголки, и вдруг выйдет лодка! Перевернёт, подёргает за другие кончики — треугольная шапочка! Ещё она может делать гармошку, парусный корабль и человечка, который двигает языком и глазами.

Однажды она чистила селёдки и позвала нас:

— Смотрите, — говорит, — ребята, какой у селёдки в животе спасательный круг! — И вынула из селёдочного брюха два больших пузыря. — Они, — говорит, — держат селёдку на воде.

Пузыри тоненькие и прозрачные, какие выходят из мыльной пены.

Только не лопаются, как мыльные, а крепкие. Мы попросили их себе, и тётя Шура вынула пузыри из всех селёдок, вымыла и отдала нам.

Из-за этих пузырей вышла неприятность. Олег Сахаров проковырял в пузырях дырочки, налил водой и стал поливать нас. Тогда мы тоже проковыряли дырочки и стали поливать его, а потом друг друга. После этого мы незаметно подкралась к девочкам и устроили им настоящий душ! Они подняли крик, прибежал вожатый, и нам попало. А тётя Шура из-за этого была неприятность.

Она нам сказала:

— Эх, вы! Вам стараешься мозги расширить, а вы безобразничаете. Ну и безобразничайте, а ко мне больше не приходите.

Мы очень расстроились. Не потому, что нам попало, а что тётю Шуру подвели. Стали думать, как бы загладить это.

Утром поднялись пораньше и набрали целый мешок шишек для титана, в котором тётя Шура кипятит воду. Принесли на кухню и отдали тётю Шуре.

Ей это понравилось, и она нас простила. — Вот, — говорит, — ведь можете же быть людьми, когда захотите!

Мы опять стали дружить, и она опять нам стала рассказывать разные истории и случаи.

И про куриные зубы она рассказала. Оказывается, у курицы есть зубы. Конечно, не такие, как у человека или животных. А свои, куриные. И находятся они не во рту, как у всех, а в животе. Чудно, правда?

Тётя Шура нам их показала. Она приготавливала к обеду кур и, когда стала разрезать желудок, оттуда посыпались камни. Она и говорит:

— А ну, кто тут самый умный, пусть объяснит, почему у курицы в желудке камни?

Мы посмотрели, камней действительно много: и маленькие и побольше. Олег сказал, что он не знает. А Дима подумал и говорит:

— Это от старости. У нашей бабушки тоже есть камни. В печени.

Тётя Шура прямо повалилась от смеха. Она всегда очень любила смеяться, а тут мы еле уняли её.

Она и меня спросила.

— А ты, — говорит, — что скажешь? — Ей, должно быть, хотелось ещё посмеяться. Но я сказал, что курица просто глупая и клюёт без разбору всё, что попадётся: зерно — зерно, камень — камень!

— Не-е-т! — сказала тётя Шура. — Это ты напрасно! Животное или птица никогда ничего не делает зря! На всё бывают свои причины. И камни курица глотает не от глупости, а для дела. Эти камни у неё вместо зубов. Ведь природа-то ей зубов не дала, а пищу чем-то перемалывать надо! Вот она и глотает камни. Проглотит несколько штук, они у неё там, как винты в мясорубке, работают — перетирают пищу. А когда затупятся или изотрутятся, она новые заглатывает. Так у неё дело и идёт. Какая же она глупая? Совсем не глупая, наоборот, очень ловкая да хитрая! Сама себе зубы нашла, сама их меняет. И к врачу ходить не надо, не лечить, не дёргать!

БЕЛЕНА ОБЪЕЛСЯ

Оказывается, белена — это растение.

А я думал, что белена — это блины. Моя бабушка часто говорила про белену поговорку. Когда я, бывало, сильно раздурчусь, она говорит: „Ты что на стенку-то лезешь, белены объелся, что ли?“ Это значит, надо возиться потише.

А в лагере я узнал, что белена — это растение, и не простое, а очень ядовитое. Из-за этой белены у нас произошло целое событие, прямо ужасный случай!

Двое наших ребят из младшего отряда случайно нажевались этой белены и на самом деле полезли на стену. Честное пионерское! Я сам видел, и ребята из нашего отряда — тоже. Все очень перепугались.

Случилось всё это вот как.

Приходим мы на ужин, а на ужин в этот раз давали оладьи со сметаной. А когда бывают оладьи, все просят добавки, потому что оладьи у тётки Шуры очень вкусные, с поджаристой корочкой.

Ну, вот. Мы уже и добавку съели, начали пить молоко, вдруг дежурный вожатый подходит к Щербанову и Ставскому и говорит:

— А вы почему не едите, в чём дело?

Мы посмотрели, а у них на тарелках и сметана и оладьи целиком лежат.

Щербаков со Ставским молчат.

Вожатый сказал, чтобы они сейчас же всё съели и прекратили свои фокусы.

Он ушёл, а Щербаков со Ставским всё равно оладьи не трогают. И сидят какие-то чудные, не то сонные, не то обиженные.

После ужина мы ещё немного поиграли, потом была вечерняя линейка и горн ко сну. Надо было идти спать, а спать же хотелось.

Наконец мы приходим в палату и видим, что Щербаков со Ставским уже на своих местах. Сидят на кроватях одетые и в тапочках что-то быстро, быстро собирают со своих одеял, как будто что рассыпали.

Мы подошли, видим, ничего не рассыпано, а они всё равно собирают. Мы очень удивились и стали их спрашивать, что такое они делают? Но они никому, ничего не ответили, а стали собирать быстрее. Тут подошли ещё ребята, все

столпились. смотрят, удивляются и смеются, а Щербаков со Ставским ни на кого не обращают внимания и очень серьезно щиплют свои одеяла.

Приходит вожатый. Видит нас всех в куче. Спрашивает, что это у нас за собрание такое и почему мы не в постелях?

Мы сейчас же расступились, и он увидел Щербакова со Ставским.

— А-а, — говорит, — это вы, друзья-приятели, опять безобразничаете!

Сейчас же прекратите, — говорит, — этот цирк!

Но Щербаков со Ставским даже головы к нему не повернули.

Вожатый прямо растерялся. А потом нахмурился, подошёл к Щербакову и взял его за руку, чтобы поднять с постели. Но сейчас же выпустил руку и стал щупать лоб.

— Скорее, — говорит, — ребята, бегите за доктором; у него жар!

Двое побежали за доктором, а мы стали помогать вожатому уклады-

вать Щербакова со Ставским в постель. Но они никак не ложились, а вырывались и всё куда-то лезли и были горячие, как печка.

Пришёл врач, сел на кровать к Щербакову и говорит:

— Ты что, Витя, заболел?

А Щербаков смотрит на доктора широко открытыми глазами и что-то бормочет. Смотрел, смотрел, а потом взял и стал общипывать докторский халат, как будто пылинки с него снимал.

Кое-кто стал смеяться, но доктор приложил палец к губам, чтобы не шумели, и стал внимательно наблюдать за ним и за Ставским.

А Ставский кончил общипывать одеяло, встал во весь рост на кровати и начал собирать что-то со стены. Сначала около себя, а потом всё выше и выше.

Доктор велел уложить обоих на раскладушки и поскорей унести в изолятор.

Щербакова со Ставским унесли, а нам велели быстро ложиться спать.

Мы легли, но заснуть никак не могли, всё обсуждали, что такое сделалось с ними.

Утром мы поскорей побежали в изолятор, чтобы узнать, как дела. Я встал Олегу на спину, заглянул в окно и увидел, что ребята спят.

А доктор, оказывается, не спал всю ночь. Он услышал, что мы лезем, и вышел к нам на крыльцо. Он был очень усталый, без очков и в тапочках.

— Вы, — говорит, — не шумите, пусть они поспят. Всё в порядке, я потом вам всё расскажу.

Мы ушли и сказали всем, что Щербаков со Ставским уже не ползают, а спят.

После завтрака нас всех собрали. Доктор провёл с нами научную медицинскую беседу, чтобы мы не тащили в рот что попало, как Щербаков и Ставский, а то можно отравиться.

Оказывается, они наелись белены. Нашли в лесу какое-то растение и нажевались его. Сначала ничего не почувствовали, а потом сделались, как пьяные.

Доктор нам всё рассказал, какие бывают опасные травы и что случается с человеком, если он их поест.

Например белену или дурман-траву. Он сказал ещё, что про белену даже есть поговорка. А я эту поговорку знал от бабушки.

И когда я вернулся домой и сказал бабушке, что видел, как от белены лезут на стену, она мне не поверила. Но я рассказал про всё, что у нас случилось, и она очень удивилась и даже заохала. Но потом сказала, что надо бы нам не лекции читать, а выпороть, как следует, чтобы мы лучше запомнили.

Но я запомнил и так.

ПОЧЕМУ УМЕНЬШАЮТСЯ ВЕЩИ

Я вернулся из лагеря домой и очень удивился. И комната и вещи очень изменились, стали какие-то другие. Комната как будто меньше, потолки ниже, а окна уже. В чём дело? Не пойму.

Стал ходить и трогать всё подряд. Подошёл к дивану. Сел, посидел. Диван тот же, а сидится на нём уже по-другому: ноги почему-то не висят в воздухе, а достают до самого пола.

Заглянул в буфет. Буфет старый, бабушкин. Большой, во всю стену, похож на высотное здание. Тоже с башенками и фигурками. А дверцы тяжёлые, как в метро. Одной рукой нипочём не откроешь!

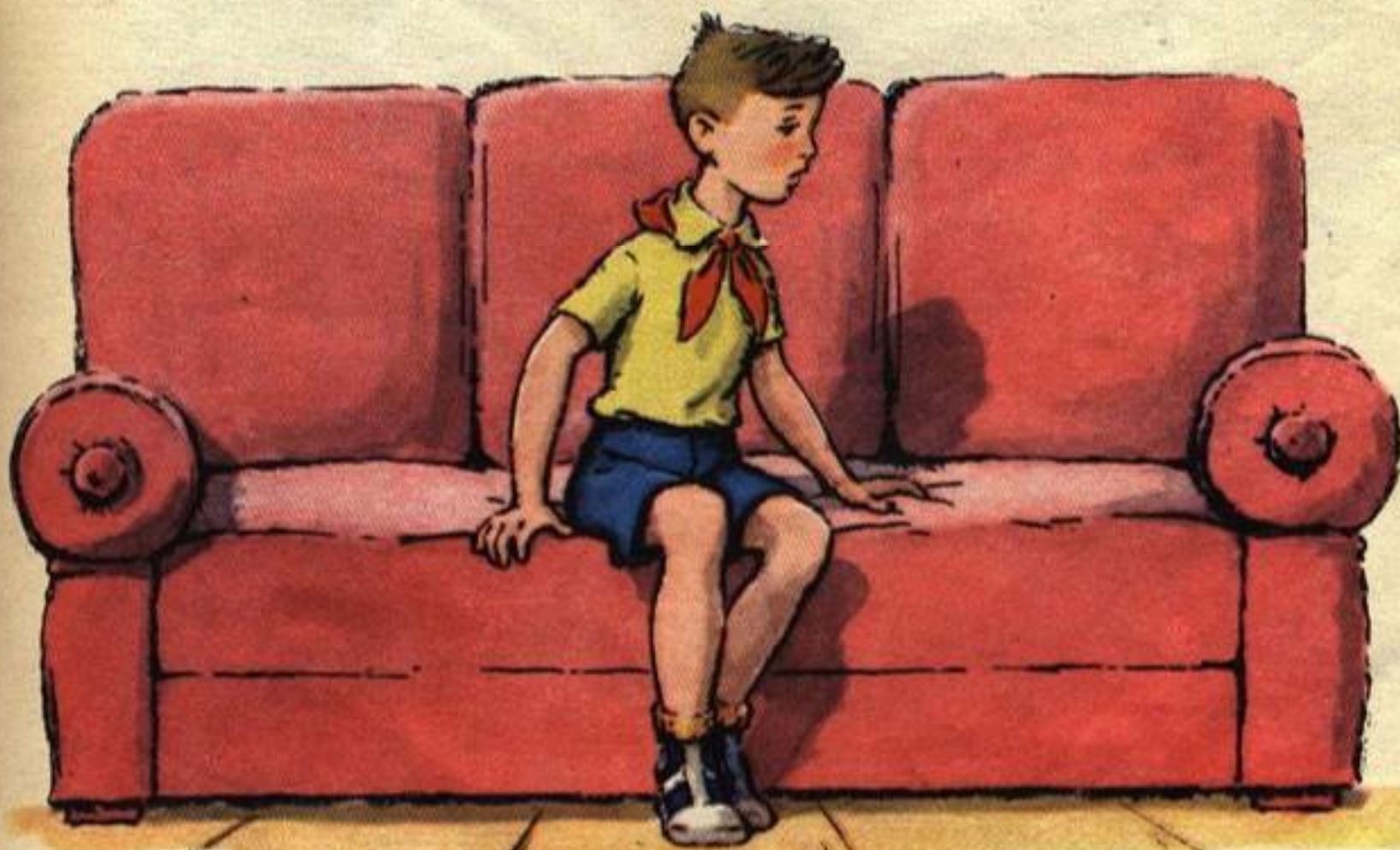
Я этот буфет до третьего этажа знаю, как свои пять пальцев. На первом — пакеты, пакеты, пакеты: крупа, мука, вермишель, макароны. Ничего вкусного. На втором — тарелки, тарелки, тарелки: большие, маленькие, глубокие, мелкие. Тоже неинтересно. Интересно на третьем, но третий я знаю хуже. Знаю только, что сюда кладут всё то, что мне не надо есть до обеда: конфеты, печенье, варенье и в синей вазочке на длинной ножке мой любимый мармелад.

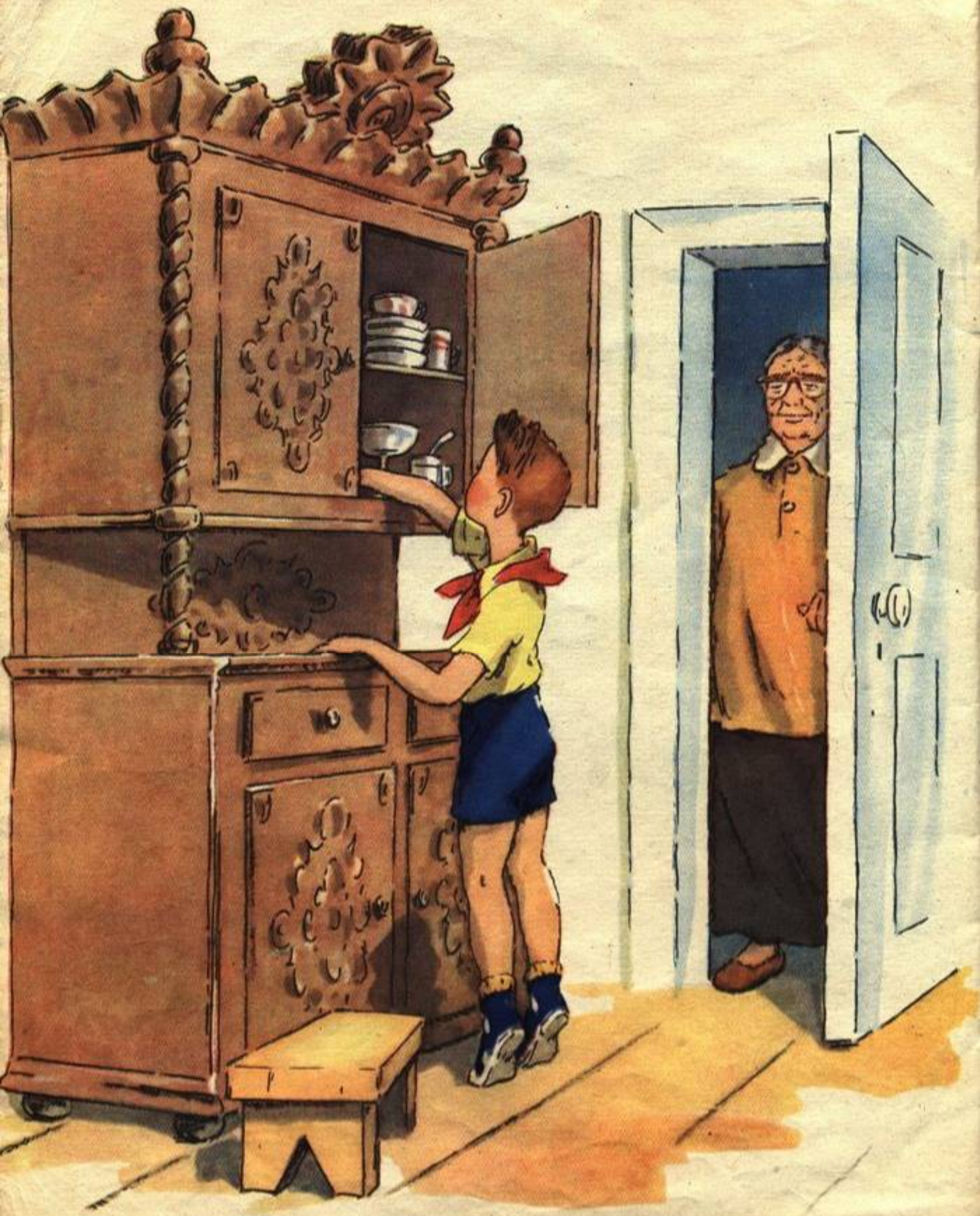
Но всё это я вижу, если принесу скамейку и встану на неё. Но, стоя на скамейке, много не рассмотришь. Откроется дверь, и войдёт бабушка. А что скажет бабушка — всем понятно...

И вот я опять стою около буфета. Я стою безо всякой скамейки и вижу третью полку, синюю вазочку и мой любимый мармелад! И я не только всё это вижу, я могу дотянуться до вазочки и взять мармелад! И я беру вазочку и смотрю на мармелад.

И тут, конечно, открывается дверь, и входит бабушка.

Я ставлю вазочку на место, но бабушка ничего не говорит мне.

Она ничего не говорит, только смотрит на меня и на скамейку, которая стоит в углу без дела.

Потом она берёт вазочку и даёт мне мармелад.

Я ем мармелад, а она гладит меня по голове и всё смотрит, смотрит на меня, и лицо у неё почему-то грустное.

Я тоже смотрю на неё и вижу, что и она переменялась. Как будто похудела, а может быть, загорела.

Я ем мармелад и спрашиваю бабушку: почему она качает головой? Почему даёт мне мармелад, хотя скоро обед? Почему вещи стали меньше, и почему она грустная?

И тогда она перестаёт быть грустной. Она смеётся и отвечает на все мои вопросы по порядку: она даёт мне мармелад потому, что очень рада, что я вернулся домой. Она качает головой потому, что удивляется, как я сильно вытянулся за лето. Она объясняет, что вещи не стали меньше. Они такие же, как были раньше. Это я стал другим, потому что вырос.

